

18+

ТОМ 2

ЖЕНЩИНЫ ДЕВЯТОЙ УЛИЦЫ

Ли Краснер, Элен де Кунинг, Грейс Хартиган,
Джоан Митчелл и Хелен Франкенталер: пять художниц
и движение, которое изменило современное искусство

МЭРИ ГАБРИЭЛЬ

Оглавление

ЧАСТЬ II 1948–1951 ГОДЫ

Грейс	9
Глава 20. Зов природы	11
Глава 21. Деяния апостолов, I	34
Глава 22. Деяния апостолов, II	45
Глава 23. Слава	59
Глава 24. Процветание	80
Глава 25. Бунт и риск	99
Хелен	121
Глава 26. Омут чудес	123
Глава 27. В волнующем трепете	147
Глава 28. Кукловод	169
Джоан	195
Глава 29. Поэма в красках	197
Глава 30. Из Мексики на Манхэттен через Париж и Прагу	221
Глава 31. Беспризорники и менестрели	248

ЧАСТЬ III 1951–1955 ГОДЫ

Оставить след	275
Глава 32. Творческий каминг-аут	277
Глава 33. Опасности признания	293

ЖЕНЩИНЫ ДЕВЯТОЙ УЛИЦЫ

Глава 34. Сказал художнику поэт	306
Глава 35. Ни по задумке, ни по определению	335
Открытия руки и сердца	363
Глава 36. Заплыв против течения	365
Глава 37. На пороге	383
Глава 38. Фигуры и речь	403
Глава 39. Убежище	425
Глава 40. Перемены в искусстве	446
Глава 41. Искусство или жизнь	468
Глава 42. «Красный дом»	488
Пять женщин	513
Глава 43. «Гранд-девы», часть I	515
Глава 44. «Гранд-девы», часть II	537
Глава 45. «Гранд-девы», часть III	564
Примечания	587
Библиография	765
Благодарности за предоставление авторских прав и разрешений	809
Об авторе	815

Часть II
1948–1951 ГОДЫ

Грейс

ГЛАВА 20

Зов природы

Что я есть? Ничто. Чем я могу быть? Всем.

Мария Башкирцева [1]

В конце октября 1948 года молодая женщина со светлыми волосами до плеч, настолько женственная в привычном смысле этого слова и настолько успокаивающе милая, что запросто могла бы стать лицом рекламной кампании хлопьев для завтрака, стояла перед грязной витриной заброшенного помещения на Четвертой авеню, 85 на самой окраине Гринвич-Виллидж [2]. Ее внешность казалась тут на редкость неуместной, а между тем эти места были ей хорошо знакомы. Относительно недавно, до начала прошедшей весны, когда приняла самое важное решение в жизни, она даже записала сына в здешнюю школу. Решение же это заключалось в том, что женщина отослала своего семилетнего мальчика жить к бабушке и дедушке в Нью-Джерси, чтобы ничто не мешало ей, оставшись в Нью-Йорке, заниматься живописью [3]. Она оставила позади все — работу, мужа, любовника, сына, — ради того чтобы стать художником, толком не зная даже, что это, собственно, значит. Она знала только, что *обязана* это сделать, и теперь пришла к человеку, который мог подсказать ей, как именно. Женщина позвонила в дверь, из окна сверху высунулась голова. Она крикнула: «Меня зовут Грейс Хартиган, мне нужен Билл де Кунинг. Меня направил к вам Джексон Поллок».

Билл пригласил ее войти [4].

Надо сказать, Грейс с самого детства готовила побег из мира, в котором жила со дня своего рождения. Нельзя сказать, что девочку привлекал какой-то особый, конкретный путь; в сущности, ей было все равно, куда направить свои стопы, лишь бы путь сулил приключения. Какое-то время ей хватало сказок, которые придумывали и рассказывали любимая бабушка-ирландка и незамужняя тетка, жившие на верхнем этаже дуплекса ее семьи в Байонне [5]. Но так было до тех пор, пока родители не перевезли детей в пригород Нью-Джерси, и Грейс довольно скоро обнаружила поблизости цыганский табор. «Я часто залезала на нашу яблоню, пряталась в ветках и часами наблюдала за цыганами, — напишет она другу много лет спустя. — Я знала, что они воровали, но они делали это так легко и красиво, будто это было какое-то искусство. Я многому научилась, наблюдая за ними. Помнится, мне страшно хотелось быть такой же свободной и красивой, как они» [6].

Родители Грейс, судя по всему, очень быстро поняли, что эту девочку им подкинули эльфы, потому что относились к ней, старшей из четырех детей, не так, как должны относиться мать и отец. Они от нее чего-то *ожидали*. «Они вечно спрашивали меня: „Кто ты? Что ты собираешься делать со своей жизнью?“». И ни малейших ограничений из-за того, что этот ребенок был женского пола. Грейс однажды сказала: «Я всегда думала о себе как о *личности*». В десять лет девочка хотела стать детективом [7]. А еще она любила поэзию и подумывала о писательской стезе. Затем она открыла для себя кинематограф, и с того момента ее манили актерские лавры. И действительно, женщины, которых она видела на серебряном экране, вполне соответствовали масштабу ее мечты. Вряд ли Грейс в детстве часто слышала слово «дива», но именно к такому возвышенному статусу она стремилась с самых ранних лет [8].

Можно предположить, что фантазии юной Грейс отличались такой живостью и яркостью отчасти потому, что в реальной жизни дела семейства обстояли весьма непросто. Ее мать, потомок французских аристократов и английских колонизаторов, жила в придуманном ею самой мире острых противоречий. Она была уверена,

что муж, сын кузнеца, недостойн ее. И даже когда он стал квалифицированным бухгалтером, она продолжала считать его существом низшего ранга, и напряжение, порождаемое ее недовольством, с годами только росло. Мама Грейс становилась все более и более суровой и жесткой (она, например, никогда не говорила ни мужу, ни даже детям, что любит их), и в конечном итоге у нее начали проявляться явные признаки нестабильности психики [9]. Дети нередко уходили утром из дома под угрожающие слова матери: «Когда вы вернетесь из школы, я, может, уже умру» [10]. Кроме того, она жаждала общения с усопшими родными. «В первые семь лет моей жизни, — писала Грейс, — в ночь перед моим днем рождения меня неизменно будила мама, бродившая по дому в ночной рубашке в ожидании появления своей мамы — в форме духа» [11].

Маленькая Грейс пыталась игнорировать все злое и странное, что происходило вокруг, прячась в искусстве, но вскоре и эта сфера стала зоной конфликта. «Мама была настроена ко всему подобному настолько враждебно, что, увидев, например, что я слушаю по радио оперу, она подходила к приемнику и выключала его, — вспоминала Грейс. — Любопытно, что именно из-за такого ее поведения я почувствовала, что это моя личная жизнь, и я должна за нее бороться... То, что мне запрещали, казалось чем-то почти волшебным» [12].

Годы Великой депрессии были для семьи очень трудными и на всю жизнь внушили Грейс то чувство, которое она сама называла «ужасом перед деньгами или их отсутствием» (и это звучит довольно иронично, учитывая, что она сама, добровольно, выберет жизнь, стопроцентно гарантирующую только одно — бедность) [13]. Финансовые проблемы семьи Хартиган означали также, что, когда Грейс пришло время выбирать путь после школы, колледж даже не рассматривался. Ее тетя в свое время окончила Колумбийский университет и как писательница подавала большие надежды; у Грейс, которая, как ожидалось, может последовать по ее стопам, были предложения о стипендии от ряда хороших колледжей. Но даже с такой помощью семья не могла позволить себе «непредвиденных расходов» на дальнейшую учебу старшей дочери [14]. Словом,

в восемнадцать лет у Грейс было два варианта: работа или брак. И девушка устроилась на работу (возможно, чтобы поправить материальное положение семьи) в страховую компанию в Ньюарке [15].

Среди ее сослуживцев был двадцатилетний бухгалтер по имени Боб Джейхенс — человек, как и Грейс, слишком нестандартный и креативный для той стерильной среды. Раньше он учился в Колумбийском университете, но во время финансового кризиса был вынужден бросить учебу и довольствоваться, опять же как Грейс, наемной работой, которая ничуть его не интересовала [16]. Они начали встречаться. Раньше Грейс ездила в Нью-Йорк только для походов по магазинам, Боб же показал ей нечто новое. Он повел свою восемнадцатилетнюю подругу в Метрополитен-музей. Там она впервые в жизни оказалась в окружении великого искусства; оно в первый раз обращалось к ней со стен музея; она в первый раз увидела тысячелетия человеческой истории, воплощенные в картинах и скульптурах великих мастеров. По словам Грейс, тогда она впервые «отдала себе отчет в том, что такое искусство», и... это ее не слишком впечатлило и особо не заинтересовало [17]. А вот Джейхенс был ей очень даже интересен. В мае 1941 года, вскоре после того как Грейс исполнилось девятнадцать, они поженились. Позже она так объясняла свое решение: «Я вышла замуж за первого же парня, который читал мне стихи» [18]. Вероятно, больше всего ее привлекло их общее стремление любым способом вырваться за рамки обыденности. Сразу после свадьбы они с Бобом уволились с работы, решив переехать на Аляску. Они собирались стать «пионерами». И вот, купив за двадцать пять долларов два билета в одну сторону, молодожены реализовали первый этап намеченного путешествия: добрались из Нью-Йорка до Лос-Анджелеса [19].

Однако ребята явно не учли дороговизну пребывания в Калифорнии и вскоре остались без гроша в кармане. «Боб соврал, будто умеет кататься на лыжах, и устроился на работу по продаже лыжного снаряжения в универмаге», — рассказывала Грейс [20]. Сама она, раз уж оказалась в Лос-Анджелесе, попыталась пробиться в вожделенный кинобизнес. Триумфом Грейс в этой сфере было признание ее

«лучшей актрисой» выпускного класса в старшей школе. Но к тому времени, когда у нее появилась возможность профессионально реализоваться, отношение Грейс к актерству существенно испортилось. Она обнаружила, что ей «ненавистно быть переводчиком идей и эмоций других людей» [21]. И в это же время она забеременела, что, понятно, заставило ее окончательно отказаться от своей детской фантазии. Как и от любой другой фантазии.

Грейс с горечью осознала, что независимость от родителей не изменила ее жизнь к лучшему. Казалось, она только похоронила себя под новыми слоями обыденности и рутинной работы. Грейс совсем не хотела ребенка; она даже не особенно любила детей [22]. Молодая женщина всерьез подумывала сделать аборт, но боялась процедуры, которая в те времена была незаконной и часто опасной для здоровья и даже жизни. И она решила приспособиться к создавшимся обстоятельствам, смириться с фиаско, постигшим ее в спринтерском забеге к свободе. Грейс рассуждала так: «Да ладно, всё в порядке. У пионеров ведь тоже бывают дети... в своих увлекательных странствиях они просто берут их под мышку и идут дальше» [23]. Однако все попытки подбодрить саму себя оказались тщетными. И замужня беременная, застрявшая в Калифорнии Грейс вынуждена была подытожить свое печальное положение одним-единственным словом: «безнадега». Боб, должно быть, почувствовал ее отчаяние. И начал задавать ей те же вопросы, которые в детстве задавали родители: «Кто ты? Чем собираешься заниматься в жизни?» — «Ну, композитором я стать не могу, мне уже слишком поздно, — отвечала Грейс. — Но я неплохо писала». Однако они оба, немного подумав, вынуждены были признать, что ее работы далеки от идеала.

— Слушай, а как насчет того, чтобы стать художником? — однажды спросил Боб.

— Я совсем этого не умею.

— Да ладно, давай попробуем, — предложил молодой муж [24].

И они оба записались на курсы изобразительного искусства для взрослых в местной средней школе. «Стоило мне взять в руки

карандаш, чтобы нарисовать вазу, я вдруг вся вспотела. Я страшно страдала, а вот у Боба все получалось. Он уже нарисовал вазу, а я все плакала и потела с этим карандашом в руке, — рассказывала Грейс [25]. — Я никогда раньше не плакала. И совершенно не понимала, почему плачу» [26]. «Я просто каким-то чудом почувствовала, что это для меня очень-очень важно» [27]. На следующий день Грейс купила акварельные краски — чрезвычайно сложный художественный материал, на который часто ошибочно обращают взор новички, — и, хотя ей было невероятно трудно и у нее ничего не получалось, не бросала занятий на курсах. Затем она вернулась к углю и карандашу. «Все это время я была беременна, а потом, когда родился ребенок, я рисовала уже сама по себе, самостоятельно», — вспоминает Грейс [28]. Считается, что рождение первенца становится для любой матери если не главной радостью, то как минимум новой сферой ответственности, однако внимание Грейс было разделено с самого начала. Ее сын Джеффри всегда будет считать искусство своим соперником в борьбе за любовь матери, и в какой-то момент станет совершенно очевидно, что он в этой борьбе безнадежно проиграл [29].

Незадолго до рождения Джеффа японцы напали на Перл-Харбор. Паника на Восточном побережье была небольшой по сравнению с хаосом, возникшим в Калифорнии, которая находилась в пределах досягаемости японских самолетов. Ситуация в стране практически мгновенно развернулась в сторону войны, и столь же быстро толпы военнообязанных граждан начали стекаться из небольших городов к военным базам по всей территории США. Боб, которому тогда был двадцать один год, знал, что его непременно призовут, и потому они с Грейс и малышом собрали вещи и отправились на восток, в Блумфилд, где поселились у его родителей. Они прожили в этих многолюдных кварталах около года, до апреля 1943 года, когда Бобу все-таки пришла повестка. Уверенный, как многие другие мужчины, что погибнет на войне, Боб, уезжая, сказал Грейс: «Иди вперед и сама создавай свою жизнь» [30]. Так Грейс в двадцать один год осталась с ребенком, которого никогда особо не хотела,

в доме родителей мужа. Ну и жизнь! Единственная возможность, которая ее действительно интересовала, — жизнь художника — стала для нее совершенно недоступна. Грейс казалось, что она достигла самого дна.

Так же, как Элен и Ли, Грейс влилась в ряды миллионов американок, откликнувшихся на патриотический призыв пойти во время войны на работу, стала одной из тех, кого журнал *Life* окрестил «героинями нового порядка» [31]. Однако ее резоны, в отличие от Элен и Ли, были продиктованы не столько необходимостью заработать на жизнь, сколько желанием сбежать из дома мужниных родителей. Патриотизм служил прикрытием для ее бунта. Чтобы устроиться на работу на авиационном заводе к северу от Ньюарка, Грейс соврала, что она опытный «прокладчик курса». Ее зачислили в соответствующий отдел, и девушка оказалась настолько способной, что начальник отправил ее на вечерние курсы при Инженерном колледже, чтобы сделать из нее профессиональную «техническую рисовальщицу» [32]. Так Грейс оказалась среди единомышленников. Дело в том, что рисовальщиками тогда становились многие художники, нуждавшиеся в заработке. В сущности, в те времена школой искусства для большинства становились курсы технического рисунка [33]. Однажды во время перерыва на кофе разговор однокурсников перескочил на тему «настоящего» искусства, и один из коллег спросил Грейс, художница ли она, как и многие из них. Она ответила, что да, она пробовала себя в этом деле. Тогда парень спросил, что она думает о современном искусстве, на что девушка заявила: «Понятия не имею, что это такое». И он принес ей альбом работ Матисса [34]. «Мне стало ужасно интересно, и я спросила: „А можно мне взять это на время? Потому что мне кажется, что я тоже так смогу“. Я притащила альбом в свою комнату в дом родителей мужа... и очень скоро поняла, что я так не могу» [35]. В ответ на ее сетования коллега сказал ей, что берет уроки у местного художника Исаака Лейна Мьюза, и если Грейс хочет научиться писать, как Матисс, то Айк — именно тот, кто ей нужен. И она поступила на еженедельные вечерние курсы [36].